

Молодежные субкультуры в современном западном обществе: «мы выбираем нас выбирают?»

Научный руководитель – Петелин Борис Валентинович

Перминова Елизавета Ильинична

Студент (бакалавр)

Череповецкий государственный университет, Гуманитарный институт, Череповец, Россия

E-mail: perminovcooperation@gmail.com

Феномен молодежных субкультур второй половины XX – начала XXI века привлекает внимание исследователей в связи с актуальностью вопросов идентичности и самовыражения молодежи. Зародившись на Западе, субкультуры давно перешагнули национальные границы, распространившись по всему миру, включая Россию [4]. Однако магистральная линия их эволюции была задана именно логикой развития западного общества.

При этом важно подчеркнуть, что ряд исследователей игнорируют тот факт, что «молодежь» и ее «потребности» являются продуктом конкретных исторических обстоятельств [5]. Это позволяет рассматривать субкультуры как разновидность общественных движений со своей структурой и символическим кодексом. Из этого следует ключевой тезис работы: молодежные субкультуры представляют собой не результат волеизъявления молодежи, а исторически обусловленный механизм производства самой молодежи как социального субъекта. Смена фаз развития капитализма влечет трансформацию того, какой именно человек производится на выходе.

Начало этой эволюции связано с возникновением классических субкультур 1950–1970-х гг., которое обусловлено классовой структурой послевоенного капитализма. При формальной доступности образования общество сохраняло жесткую стратификацию, и принадлежность к субкультуре для молодого человека из рабочего района была следствием его происхождения [6]. Тедди-бои, моды, ранние скинхеды и панки объединены тем, что их субкультурная принадлежность оставалась неразрывно связана с реальным социальным положением. Субкультура выступала языком классового конфликта, когда доступ к политическим институтам для рабочих окраин был закрыт.

Та же логика применима и к ЛГБТ+ движению второй половины XX века: его можно рассматривать как форму субкультурного протеста против нормативных оснований капитализма, опиравшегося на патриархальную семью как базовую единицу потребления.

Однако ситуация кардинально меняется с неолиберальной революцией последней трети XX в., которая уничтожила социальную базу классических субкультур. Именно в этот период субкультура начинает превращаться в результат индивидуального потребительского выбора. Отправной точкой коммерциализации панка стал бутик в Челси, где самодельные знаки исключенности превратились в товар [1, с. 17]. Выработанная модель распространилась на готику, хип-хоп и байкеров.

Логическим завершением этого процесса стал XXI век, когда масс-маркет и онлайн-платформы сделали субкультурные образы доступными каждому. Внешние атрибуты перестали быть маркером исключительности, утратили функцию бунта. Субкультура становится пространством символической компенсации: качество досуга оказывается единственным доступным средством самоутверждения [3].

Новый, еще более радикальный этап наступает с эпохой цифрового капитализма. Рекомендательные алгоритмы формируют эстетический профиль пользователя еще до того,

как он способен сформулировать предпочтения. Субкультура становится результатом фоновой работы алгоритмов. Идентичность требует постоянного подтверждения, но завершить ее невозможно — алгоритмы обрекают на вечный поиск себя.

За этими переменами стоит более глубокий сдвиг. Так, смена фаз развития субкультур отражает фундаментальную трансформацию понимания «политического». В индустриальную эпоху субкультурный протест сохранял политическое измерение. Западное общество выработало механизм его нейтрализации, предложив протесту коммерчески успешную форму существования [2]. В эпоху цифрового капитализма субкультуры утрачивают политическое содержание, борьба за внимание замещает борьбу за справедливость. Отказ от политической основы отражает прямую функцию субкультур в их современной форме.

Источники и литература

- 1) Блюмин М.А. Мода XX века на международных аукционах // Труды СПбГИК, 2010. — С. 14-18.
- 2) Богомолов П. Полвека молодежной субкультуры на Западе // Международная жизнь. — 2016. — № 8. — С. 162-176.
- 3) Гришанин Н.В., Жаркова М.А. Молодежные субкультуры как элемент городского визуального коммуникативного пространства... // Современные проблемы науки и образования. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=19552>
- 4) Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века // Социологические исследования. — 2012. — № 10. — С. 52-61.
- 5) Скакун А.С. Основные подходы к дефиниции понятий «Молодежная культура» и «Молодежные субкультуры» // Регионоведение, 2014. — № 3 (88). — С. 164-173.
- 6) Эррера Л.М. Феномен молодежной субкультуры и ее маргинальность // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки, 2011. — № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-molodezhnoy-subkultury-i-ee-marginalnost>